

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Бытко Сергей Юрьевич

*Профессор кафедры прокурорского надзора и криминологии
Саратовской государственной юридической академии,
доктор юридических наук, доцент
E-mail: sergej-bytko@yandex.ru*

О некоторых проблемах построения современных интеллектуальных правовых систем

Аннотация: актуальность статьи состоит в том, что рассматриваемые в ней вопросы имеют прямое отношение к одному из перспективных направлений цифровизации юриспруденции, а именно — к построению интеллектуальных правовых систем нового поколения. Предметом исследования выступают положения законодательства, решения Верховного Суда РФ, которые в текущем виде плохо поддаются автоматизированному анализу. Цель статьи — сформулировать рекомендации для повышения правовой культуры подготовки нормативных актов, создания правовых норм, при которой исключаются многозначные толкования, снижается риск возникновения пробелов и облегчается их автоматизированный анализ. Методология исследования включает в себя логическое и систематическое толкование нормативных актов. В работе рассматриваются проблемы, с которыми сталкиваются разработчики интеллектуальных правовых систем, возникающие в связи с низким уровнем качества текстов нормативных актов. На примере отдельных положений УК РФ демонстрируются привычные для юристов, но плохо поддающиеся формализации и пониманию способы построения правовых норм, предлагаются подходы к формализации юридического языка, упрощающие компьютерный анализ текстов нормативных актов. Поднимаемая в статье проблема является относительно новой не только в юриспруденции, но и в сфере информационных технологий, поскольку интеллектуальные правовые системы в настоящее время находятся в стадии разработки и в ряде случаев доступны лишь их рабочие прототипы. Статья призвана привлечь внимание юристов к проблемам цифровизации права и предлагает решение некоторых из них.

Ключевые слова: интеллектуальная правовая система,

Bytko Sergej Jur'evich*Professor of the department
of Prosecutor's Supervision and Criminology,
Saratov State Law Academy*

Concerning Some Problems of Building Modern Intellectual Legal Systems

Annotation: *the relevance of the research is determined by the fact that described issues are directly connected to one of the perspective brunches of digitalization of the jurisprudence. This brunch deals with building intellectual legal systems. The subject of the present scientific work is represented by legislative provisions, verdicts of the Supreme Court of the Russian Federation, which suffers from the lack of automatic analysis in current condition. The purpose of the research is to formulate recommendations for increasing the legal culture's level of preparing normative acts and creating legal norms in such a way though multiple interpretations and gaps are excluded and they easier undergo automatic analysis. The research methodology includes a logical and systematic interpretation of regulations. The author describes the issues which developers of intellectual legal systems faces with. These issues are due to the low level of the textual quality of normative acts. The author uses certain provisions of the Criminal Code of the Russian Federation as the example to demonstrate methods of creating legal norms which are familiar for lawyers'. These methods suffer from the lack of formalization and understanding. The author suggests the approaches to the formalization of juridical language aimed to simplify digital analysis of the texts of regulatory acts. This issue is the new one not only in the jurisprudence but in the sphere of informational technologies; it is caused by the fact that intellectual legal systems are in the phase of the development and in in some cases only their working prototypes are available. The author learns the issue to attract lawyers' attention to the problems of digitalization of law and suggests the way to solve a number of them.*

Keywords: *intellectual legal system, legal techniques, legal language, digitalization of law.*

Информатизация в сфере правоприменения в настоящее время представлена, в первую очередь, базами данных правовой информации, такими, например, как «Гарант»,

«КонсультантПлюс», «Судакт», предоставляющими пользователю доступ к перечню документов, удовлетворяющих требованиям поискового запроса. Однако для неквалифицированного пользователя подобная информационная поддержка малоэффективна, поскольку, как правило, из множества выдаваемых по запросу документов ему сначала нужно понять, какой ему необходим, разобраться в юридической терминологии и используемых понятиях, изучить смежные нормативные акты, если найденный документ ссылается на них. Все это требует значительных временных и интеллектуальных затрат. Поэтому правовых информационных систем, позволяющих выдавать пользователю не нормативные акты, а конкретные рекомендации по его вопросу, в настоящее время нет. Технически создание подобной системы является очень сложной проблемой, включающей в себя задачи синтаксического и семантического анализа текстов, обучения компьютеров пониманию смысла нормативных документов и запросов пользователя, формированию базы данных юридических понятий и их взаимосвязи между собой и т. д.

В этой статье хотелось бы на примере разработки информационной правовой системы «Дракон-право» (<https://drakon-pravo.ru/>) поговорить об одной из главных проблем, с которыми сталкиваются разработчики интеллектуальных правовых систем.

Для юристов это может быть неочевидно, но одним из главнейших препятствий на пути разработки таких систем является русский язык, который, как отмечают специалисты в области искусственного интеллекта, является одним из самых сложных и уникальных. Самый распространенный в настоящее время английский язык имеет фиксированный порядок слов, позволяющий алгоритмически довольно просто определять структуру текста и по ключевым словам определять его общий смысл. Совершенно иная ситуация с русским языком, в котором отсутствует заранее заданный порядок слов в предложении, отдельные члены предложения могут пропускаться без утраты смысла. В некоторых случаях изменение порядка слов может не менять смысл предложения, иногда — менять его на противоположный [1]. Несмотря на то, что текст правовых норм должен быть максимально понятным, не допускать многозначных толкований, законодатель часто игнорирует это требование. В некоторых случаях это делается, как нам кажется, намеренно — законодатель жертвует точностью юридических формулировок в угоду стилю, неоправданно избегает тавтологий, которые в юридическом языке, в отличие от литературного русского, нередко необходимы, и т. д.

Ниже мы продемонстрируем ряд типичных недостатков,

встречающихся в текстах нормативных актов и препятствующих их компьютерному анализу (впрочем, порой затруднения возникают и у профессиональных юристов).

Большое значение для правоприменения имеет формальная определенность правовых норм, при которой у правоприменителя не возникает вопросов относительно используемых законодателем терминов, понятий, выражений; отсутствуют многозначность толкований и пробелы в законодательном описании, имеющие большое значение для правового регулирования фактов, событий и пр. Правовая определенность правовых норм относится к числу конституционных принципов [2].

Одним из признаков правовой определенности является способ определения условий, при которых норма может применяться (гипотезы). При указании нескольких условий подразумевается логическое правило, в соответствии с которым норма применяется только в тех случаях, когда имеются все перечисленные условия либо хотя бы одно из них. В первом случае мы говорим о конъюнкции условий, подразумевающей выполнение логической операции «И», во втором — о дизъюнкции, логической операции «ИЛИ».

Для компьютерного анализа правовых норм очень важно задать формальные признаки, по которым алгоритм сможет определить, какая из этих операций имеет место в конкретном случае. Однако на практике мы сталкиваемся с ситуациями, когда законодатель использует одни и те же способы перечисления и для конъюнкции, и для дизъюнкции. Например, в ч. 3 ст. 25 УК РФ признаки косвенного умысла указаны через запятую: «...лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, не желало, но сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично». В теории уголовного права и на практике это положение однозначно понимается так, что косвенный умысел имеет место только при наличии всех указанных признаков: осознание общественной опасности своего деяния; предвидение возможности наступления последствий; лицо не желает наступления последствий; лицо сознательно допускает наступление последствий либо относится к ним безразлично.

С точки зрения формальной логики все перечисленные условия объединяются с помощью конъюнкции, или, как ее еще называют — логическое «И» (четвертый признак — составной, в нем используется дизъюнкция «либо допускает последствия, либо относится к ним безразлично»).

В других случаях точно такое же перечисление условий в гипотезе с использованием запятых может подразумевать иное логическое

отношение между перечисляемыми признаками. Например, в диспозиции ч. 1 ст. 205 УК РФ перечислены действия, образующие объективную сторону террористического акта: «Совершение взрыва, поджога или иных действий...».

При внешней схожести перечисления условий в ч. 3 ст. 25 и в ч. 1 ст. 205 УК РФ в последнем случае общепринятое толкование состоит в том, что террористический акт имеет место при совершении любого из указанных действий. Таким образом, в таком случае описание признаков деяния происходит с использованием дизъюнкции (логической операции «или»). Для юриста, даже начинающего, отличить, в каком случае имеет место конъюнкция, а в каком дизъюнкция, не составляет труда. При уяснении содержания нормы он активно применяет рассуждение, аналогию, здравый смысл и понимает, что для правоприменителя нет нужды ждать, чтобы террорист совершил и взрыв, и поджог, чтобы возникло основание для привлечения его к ответственности по ст. 205, достаточно любого из перечисленных деяний. Косвенно замысел законодателя можно понять из указания на иные действия как возможный вариант террористического акта. Для здравомыслящего человека понятно, что других способов совершения этого преступления может быть великое множество, поэтому для осуждения достаточно совершения одного из них. Аналогичным образом происходит уяснение содержания ч. 3 ст. 25 УК РФ. Ясно, что для человека анализ правовой нормы в подобных случаях происходит незаметно, с учетом прежнего опыта, наработанной практики, исторического, культурного контекста и т. д. Однако для разработчиков интеллектуальных правовых систем самое важное заключается в том, что соответствующие рассуждения не основаны на правилах формальной логики, поскольку в соответствии с последними законодательное описание позволяет говорить о нескольких возможных вариантах совершения террористического акта по ч. 1 ст. 205 УК РФ: 1) обязательно должны быть совершены все перечисленные действия (и взрыв, и поджог, и какое-либо иное); 2) обязательно должен быть совершен взрыв, а также любое второе деяние (поджог или иное действие); 3) достаточно любого из деяний (или взрыв, или поджог, или иное действие).

Приведенный пример демонстрирует сложность проблем, возникающих при анализе логической структуры правовой нормы алгоритмическими средствами. Выход из этой ситуации мы видим лишь в совершенствовании юридической техники и стандартизации способов перечисления обязательных условий в гипотезах правовых норм.

Другая проблема состоит в законодательном описании неосторожной формы вины в статьях Особенной части УК РФ.

Первоначальная редакция ст. 24 УК РФ «Формы вины» вызывала много вопросов при определении формы вины отдельных составов преступлений, в результате чего она была дополнена ч. 2, в соответствии с которой деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части Кодекса. Таким образом, предполагается следующее правило: если в диспозиции статьи Особенной части есть указание на неосторожность, мы имеем дело с неосторожной формой вины, во всех остальных случаях имеет место умысел.

Однако, сформулировав такое простое и эффективное правило, законодатель не внес соответствующих корректив в законодательные описания форм вины, оставив проблему неразрешенной окончательно.

В тех случаях, когда в диспозиции корректно описаны признаки неосторожности, проблем в практике применения соответствующих норм не возникает. Положительным примером в этом смысле является законодательное описание состава причинения смерти по неосторожности. Диспозиция ч. 1 ст. 109 УК РФ выглядит так: «причинение смерти по неосторожности». А в ч. 2 – «причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей». В данном случае словосочетание «по неосторожности» характеризует форму вины, а «ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей» – объективную сторону.

Однако в ч. 2 ст. 118 УК РФ «Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности» используется уже другая формула: «То же деяние, совершенное вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей». В диспозиции ч. 2 прямого указания на форму вины не содержится, а есть лишь отсылка к ч. 1: «то же деяние». Поэтому можно было бы предположить, что законодатель неявным образом указывает на неосторожность словосочетанием «ненадлежащее исполнение обязанностей». Однако в другом случае это же словосочетание используется при описании умышленного преступления. В ст. 156 УК РФ «Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего» преступлением признается неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, если это деяние соединено с жестоким обращением с несовершеннолетним.

Таким образом, в одних случаях указание на ненадлежащее исполнение обязанностей может свидетельствовать об умысле, а в других – о неосторожности. Такая ситуация также существенно осложняет автоматизированный анализ текста. Впрочем, существующая путаница в описании вины нередко ставит в тупик и специалистов.

Еще большая путаница имеется в определении форм вины

экологических преступлений. Например, буквальное толкование диспозиции ст. 246 приводит нас к выводу, что такое преступление может совершаться только умышленно, поскольку в нем нет указания на неосторожную форму вины: «Нарушение правил охраны окружающей среды при проектировании, размещении, строительстве, вводе в эксплуатацию и эксплуатации промышленных, сельскохозяйственных, научных и иных объектов лицами, ответственными за соблюдение этих правил, если это повлекло существенное изменение радиоактивного фона, причинение вреда здоровью человека, массовую гибель животных либо иные тяжкие последствия». После внесения изменений в ст. 24 УК РФ законодатель не стал корректировать диспозицию ст. 246 УК РФ. Однако квалификация такого преступления как умышленного породит конкуренцию, при которой, например, нарушение соответствующих правил в тех случаях, когда проектировщик предвидел смерть человека, будет привилегированной нормой по отношению к простому убийству. Абсурдность ситуации был вынужден исправить Верховный Суд РФ в своем постановлении «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» [3], указав, что данное преступление может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности. Полагаем, что общая формула описания, исключая двоякое толкование, должна быть такой: «причинение вреда по неосторожности вследствие недобросовестного исполнения своих обязанностей».

Итак, с учетом приведенных выше примеров, можно сделать вывод о низком качестве законодательного описания правовых норм в настоящее время, что является существенным препятствием для построения интеллектуальных правовых систем нового поколения. Этот недостаток может быть устранен лишь путем стандартизации юридического языка, разработки шаблонов описания условий применения норм права и обстоятельств, имеющих юридическое значение.

Пристатейный библиографический список

1. Искусственный интеллект в области юриспруденции [Электронный ресурс]. URL: <https://m.habr.com/ru/post/506086/> (дата обращения: 28.10.2020).

2. По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа : постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 № 32-П // Собр. законодательства РФ. 2014. № 52, ч. 1, ст. 7784.

3. О применении судами законодательства об ответственности за

нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21. URL: <https://www.vsrf.ru/documents/own/8308/> (дата обращения: 10.05.2020).

References

1. Iskusstvennyj intellekt v oblasti yurisprudencii [Elektronnyj resurs] [Artificial intelligence in the field of jurisprudence [Electronic resource]]. URL: <https://m.habr.com/ru/post/506086/> (data of access: 28.10.2020)].

2. Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij stat'i 159.4 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zaprosom Salekhardского городского суда Yamalo-Nenetsкого автономного округа : postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 11.12.2014 № 32-P // Sobr. zakonodatel'stva RF. 2014. № 52, ch. 1, st. 7784. [In the case of checking the constitutionality of the provisions of Article 159.4 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the request of the Salekhard City Court of the Yamal-Nenets Autonomous Okrug : resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 11.12.2014 No. 32-P // Sobr. legislation of the Russian Federation. 2014. No. 52, part 1. Art. 7784.]

3. O primeneni sudami zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za narusheniya v oblasti ohrany okruzhayushchej sredy i prirodnopol'zovaniya : postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 18.10.2012 № 21 [On the application by courts of legislation on liability for violations in the field of environmental protection and natural resource use : resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 18.10.2012 No. 21] URL: <https://www.vsrf.ru/documents/own/8308/> (data obrashcheniya: 10.05.2020).

Станкин Алексей Николаевич

*Доцент кафедры конституционного и административного права Тольяттинского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент
E-mail: ans77@list.ru*

Соотношение правосознания и субъективных признаков юридической ответственности*

Аннотация: актуальность темы статьи определяется ролью правосознания как основы становления и существования правового

* Статья выполнена в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 19-011-00103 А «Юридическая ответственность в правовой системе России: концепция взаимодействия, взаимосвязей и устранения противоречий с иными элементами правовой системы».